

более подробного изучения, нежели позволяют рамки нашей работы. Цель использования данной поэтики мы видим в необходимости демонстрации многогранности смысловых оттенков характеров и настроений набоковских персонажей. Помимо этого, автор прибегает к поэтике аксессуаров, чтобы донести до читателя замыслов и идей своих произведений.

### Литература

1. *Бойд Б.* Владимир Набоков: Американские годы: биограф. СПб., 2010.
2. *Набоков В. В.* Собрание сочинений русского периода: В 5 т. / Сост. Н. И. Артеменко-Толстая. СПб., 1999–2000. Т. 4: 1935–1937: Приглашение на казнь; Дар; Рассказы. 2000.
3. *Набоков В. В.* Собрание сочинений русского периода: В 5 т. / Сост. Н. И. Артеменко-Толстая. СПб., 1999–2000. Т. 5: 1938–1977: Волшебник; Solus Rex; Другие берега. 2000.
4. *Хеллер Л.* Дендизм, юмор, смех у В. Набокова // Журнал славистики. Т. 72: В. Набоков в зеркале XX в. 2000. № 3/4. С. 395–403.
5. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2009.

## НОМИНАЦИИ *БОГАТСТВО* И *БЕДНОСТЬ* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XI–XVII ВВ.)

**М. В. Дудник**

Эволюция языка и, прежде всего, изменения в области лексики показывают нам, как менялось представление народа об окружающем его мире. История понятий, как история речевых актов, помогает нам проследить становление духовных и материальных ценностей языкового коллектива на протяжении многих столетий. Ранее «люди с особенной остротой ощущали и ценили свое единство, – и в первую очередь единство языка, на котором они говорили, на котором пели, на котором рассказывали предания глубокой старины, опять-таки свидетельствовавшие об их единстве» [1]. Литература же становится зеркалом народа, проводником к его культуре.

Для анализа мы взяли номинации *богатство* и *бедность* (а также производящие их прилагательные), которые сейчас используются для обозначения противоположных явлений. Ответа требуют следующие вопросы: какие лексико-семантические варианты (ЛСВ) номинаций *богатство* и *бедность* представлены в литературе донационального периода русского языка? как изменялись ЛСВ номинаций *богатство* и *бедность* в донациональном периоде русского языка? есть ли взаимо-

связь между жанровой принадлежностью текста и использованием того или иного значения номинации?

Компонентный анализ мы проводили на материале письменных памятников XI–XVII вв. (около 140 текстов), взятых из «Библиотеки литературы Древней Руси» (1–14 тома). Литература донационального периода представлена в большей степени религиозными текстами (слова, жития, хождения и т.д.), однако есть и произведения светского характера. Данный пласт литературы мы классифицировали следующим образом: 1) историческая; 2) научная; 3) афоризмы, изречения; 4) советы и поучения; 5) частная переписка.

Таким образом, сопоставление номинаций будет проводиться в следующих направлениях: 1) временное (сравнение номинаций в двух периодах: XI – середина XV в. и вторая половина XV–XVII в.); 2) жанровое (сравнение ЛСВ, представленных в литературе религиозного и нерелигиозного характера). Выявленные значения сравним с толкованиями, приведенными в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

На первом этапе развития номинаций – XI – середина XV в. – слово *бедность* в изученных нами источниках, как и в словарях, обнаружено не было. Зато номинация *богатство* уже в этом периоде представлена целым рядом ЛСВ. Помимо тех, что упоминаются в словарях, а именно: 1) богатство, имущество; 2) материальные ценности; 3) духовные ценности, – в памятниках встречаются также более конкретизированные, узкие значения: 4) совокупность материальных ценностей, имущества; 5) ценные вещи, драгоценности; 6) наследство; 7) что-либо, представляющееся ценным для конкретного человека; 8) Божья благодать. Кроме того, обнаружены следующие частные значения: 9) состояние богатого; 10) обладание чем-либо в большом количестве; 11) совокупность богатых, обеспеченных людей; 12) природные ресурсы; 13) церковные богатства, украшения храмов; 14) роскошь, пышность, великолепие; 15) множество.

Внутри номинации выражена оппозиция значений: *материальное богатство* ≠ *духовное богатство*. Кроме того, уже на первом этапе мы видим употребление номинации в переносном значении. Например, в качестве ЛСВ ‘духовные ценности’: ...*исплъненъ богатства духовнаго, яко земный аггелъ, яко небесный человекъ* («Житие Сергия Радонежского»). Под влиянием контекста у слова появляются такие ЛСВ, как ‘богатство как показатель силы и всемогущества Бога’ (*Ты единъ во истину подая всей твари всебогатыствомъ наслажение*) и ‘богатство как счастье, даруемое Богом’ (*Блажен еси поистинъ, преславный и досто-*

чудьный Иосифе, толика блага и велика **богатства** на земли и на небеси сподобься!) [2; 3].

В случае с прилагательными *богатый* находит оппозицию со словом *бедный* в нескольких своих ЛСВ, прежде всего это: *обладающий большим имуществом – малоимущий*. Основное же значение прилагательного *бедный* связано с внешней ('бедственный, опасный, попавший в беду') и эмоциональной ('несчастный, вызывающий жалость') стороной. Не все ЛСВ существительного *богатство* в исследуемых нами текстах нашли сходное значение в прилагательном *богатый*.

В памятниках донационального периода (особенно XI – середина XV в.) прилагательное *бедный* в современном своем значении практически не употреблялось. Для обозначения плохого материального состояния использовались лексемы *неимущий, худой, убогий, скудный, недостаточный*. Хотя в тексте XIV в. («Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича») нам встретилось ЛСВ 'отличающийся убожеством, простой, дешевый': *худыя сиа и бѣдныа ризы приемлещи* [4].

На втором этапе (вторая половина XV–XVII в.) уже встречается номинация *бедность*. Она находит оппозицию в следующем значении: *состояние бедного – состояние богатого*. Также номинация *бедность* встречается в значении 'несчастье', однако мы не противопоставляем данное ЛСВ с ранее обнаруженным значением 'счастье' у номинации *богатство*. Во втором случае мы видим значение 'счастье', используемое только в данном контексте и релевантное только в отношении божественных сил. Для *бедности* данное значение ('несчастье') закономерно и вытекает из производящего прилагательного. Количество ЛСВ номинации *богатство* на данном этапе значительно ниже. Происходит смещение значений 'духовные ценности' и 'состояние богатого' ближе к периферии.

Что касается прилагательных, здесь есть оппозиция: *неимущий, малоимущий – богатый, обеспеченный, обладающий имуществом*. Однако, как и ранее, для прилагательного *богатый* это значение центральное, а для прилагательного *бедный* остается на периферии. Также есть оппозиция: *отличающийся убожеством, дешевый – роскошный*. Для обеих номинаций значение периферийно.

Если говорить о втором направлении компонентного анализа, то очевидных закономерностей использования тех или иных ЛСВ искомым номинаций в зависимости от жанровой принадлежности текста немного. И в религиозной, и в нерелигиозной литературе слово *богатство* используется чаще в значении 'материальные ценности, имущество'. Для нерелигиозных текстов характерна реализация периферийных значений номинации *богатство*. Большая часть текстов относится к исторической

литературе, только здесь встретились такие значения, как: ‘роскошь, пышность, великолепие’, ‘природные ресурсы’. Для афоризмов и изречений характерно такое значение существительного *богатство*, как ‘наследство’, редкое для других жанров. В советах и поучениях (которые по своей сути ближе к религиозным поучениям) чаще встречается лексика со значением ‘духовные, нравственные ценности’. Здесь мы нашли периферийное ЛСВ ‘Божья благодать’. В научной литературе встретилось значение ‘что-либо, представляющееся ценным для определенного человека’, речь шла о том, что ценно для науки и человечества, например: *Рѣка акианьска есть богатѣство* [5].

В религиозных текстах чаще используются центральные значения номинаций. К особенностям данных текстов можно отнести использование номинации *богатство* в переносном значении. Язык религиозной литературы более метафоричен. Здесь встречается сочетание *богатство ума* (*И силнии умом, его богатство разумное приемлюще, преплавають и възвращаются*) [6]. Интересно использование перифразы *Богом богатый* в значении ‘верующий’.

Отвечая на вопрос, являлись ли данные номинации антонимами в донациональный период истории русского языка, отметим лишь частичное противопоставление в отдельных ЛСВ. Имеют оппозиции следующие значения: 1) ‘материальное, социальное положение’ (*состояние богатого – состояние бедного*), 2) ‘внешняя сторона объекта’ (*роскошь, пышность, великолепие – убожество, бедное украшение*).

Не противопоставлены значениям слова *бедность* следующие значения слова *богатство*: ‘ценности, которые имеют значимость для конкретной личности’, ‘духовные, нравственные ценности’, ‘природные ресурсы’, а также более частные: ‘наследство’, ‘ценные вещи, драгоценности’, ‘обладание чем-либо в большом количестве’. У слова *бедность* не имеет противопоставления значение ‘беда, несчастье’.

В результате анализа было выявлено неравномерное развитие семантической структуры номинаций *богатство* и *бедность*. Слово *бедность* претерпело большее количество изменений: основная часть ЛСВ, фиксируемых современными словарями, появились только в национальный период развития языка. Номинации, сейчас воспринимающиеся как антонимы, ранее таковыми не являлись. Для обозначения явлений, противоположных по значению понятию *богатство*, использовались слова *убожество, неимущество* и т.д.

Лишь в более позднем периоде (вторая половина XV–XVII в.) встречается существительное *бедность* в значении ‘состояние бедного’, имеющем оппозицию ‘состояние богатого’. Изучив памятники донационального периода, мы обнаружили, что слово *богатство* уже на первом

этапе обладало широким спектром значений, соответствующим современным словарным статьям. То есть словари, отражающие понятия XI–XVII вв., не фиксировали большую часть обнаруженных нами значений.

Что касается влияния жанровой принадлежности исследуемого материала, стоит отметить, что нерелигиозные тексты более разнопланово используют данные номинации, а также наполняют их дополнительным контекстуальным значением. Зато язык религиозной литературы более образный, метафоричный, здесь чаще встречаются устойчивые сочетания.

### **Литература**

1. Интернет-адрес: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4864>.
2. Интернет-адрес: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4961>.
3. Интернет-адрес: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4936>.
4. Интернет-адрес: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4985>.
5. Интернет-адрес: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4967>.
6. Интернет-адрес: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2163>.

## **ГИБРИДНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЭТИКИ В РОМАНАХ ДЖ. КУТЗЕЕ «МИСТЕР ФО» И Б. ОКРИ «ГОЛОДНАЯ ДОРОГА»**

**Е. В. Жилинская**

В постколониальной теории термин «гибридность» связывают с «новыми транскультурными формами в зоне контакта, которая создается в результате колонизации» [2]. В широком смысле гибридность – это продукт взаимного влияния культур колонизатора и колонизованного, представляющий собой «новые культурные и нарративные образования» [4]. Писатели, оказавшиеся на пограничье культур, в так называемых пространствах «между» (*in-between spaces*, *interstitial space* – термины Х. Бхабхи [1]), разрабатывают соответствующие формы художественного освоения действительности. Характерной чертой мультикультурного (и постколониального) романа становится гибридизация на всех уровнях текста [4]. Рассмотрим данное явление на примере романов Дж. Кутзее «Мистер Фо» («Foe», 1986) и Б. Окри «Голодная дорога» («The Famished Road», 1991). В качестве главного критерия сопоставления романов возьмем способ художественного воспроизведения действительности (с помощью моделей постмодернизма и магического реализма).

Роман Дж. Кутзее «Мистер Фо» является вариантом одного из «постколониальных ответов» [2]. Дж. Кутзее «деконструирует» тексты Д. Дефо (главным образом, романы «Робинзон Крузо» и «Роксана») и создает метароман, гибридный как по своей тематике, жанровой приро-